

Горящий Минск в июне 1941 г.

В первые дни войны район пересечения нынешних проспекта Независимости и улицы Янки Купалы сгорел с землей.

Реалии и мифы

Первый день нынешнего года был ознаменован юбилеем — столетием провозглашения ССРБ, ставшей впоследствии Белорусской Советской Социалистической Республикой — историческим фундаментом современной независимой и суверенной Беларуси. А завтра — День Независимости нашей страны, имеющий и второе название: День Республики. Именно о нем очередная беседа с известным белорусским историком, председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Беларуси по образованию, культуре и науке, членом-корреспондентом Национальной академии наук, доктором исторических наук, профессором Игорем МАРЗАЛЮКОМ.

КСТАТИ

Беларусь стала единственной из бывших советских республик, чей праздник суверенитета не привязан к распаду СССР. Открывая торжества по случаю Дня Независимости в 2017 году, Александр Лукашенко объяснил причину тому:

— Отмечать главный государственный праздник именно 3 июля мы стали по воле нашего народа. Этот выбор свидетельствует об исторической памяти белорусов и преемственности поколений. В наших сердцах независимость Беларуси неразрывно связана с ее освобождением от немецко-фашистских захватчиков.

Миф 21-й: дата 3 июля имеет к независимости опосредованное отношение

— Игорь Александрович, завтра все мы отметим главный государственный праздник нашей страны — День Независимости (День Республики). Как известно, 3 июля 1944 года сердце белорусской земли — ее столица была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. И этот день волею народа, проявленной на республиканском референдуме в 1996 году, было решено считать Днем Независимости. Установление нового государственного праздника Президент объявил в декабре 1996 года Декретом № 1. Однако в современной окологородской среде нет-нет да и возникают сомнения в подлинности главного праздника страны. Два года назад один из деятелей, именующий себя историком, даже договорился до того, что праздновать День Независимости 3 июля — кощунство. Каково ваше мнение на сей счет?

— Пожалуй, это один из самых мерзких современных мифов, который «потрошители истории» не прочь навязать обществу. Но оставим эмоции в стороне и перейдем к фактам. Напомню всем, что взятие столицы — событие всегда неординарное. Равно как и сдача столицы, кстати. Так уже повелось, что если столица перестает быть твоей, то твоей перестает быть и страна. И наоборот, взятие столицы всегда — символ возвращения страны. Не края, не региона — страны в целом! Объективно освобождение Минска, а затем и всей республики для белорусов означало одно: остановилось целенаправленное циничное и дикое уничтожение белорусского народа.

При этом 3 июля 1944 года не обособленный момент истории. Это одно из важнейших событий в процессе одной из самых крупномасштабных операций Второй мировой войны — «Багратион». И освобождение Минска было ключевым элементом освобождения республики в целом. Спустя пять дней, 8 июля 1944 года, Пантелеймон Пономаренко уже читал историко-этнографическую справку о западных территориях Беларуси, в том числе о Белостокской области. А в 20-х числах июля белорусские органы партийного и советского управления приступили к восстановлению всей политической структуры республики. 27 июля была окончательно определена судьба Белостокской области, большая часть районов которой отошли к Польше, невзирая на протесты местного населения.

— Боюсь, у скептиков и критиков современной модели государственности тема таких протестов обходится стороной. Зато да-

та 3 июля 1944 года представляется нередкой еще и трагической — мол, именно при освобождении Минск получил основные разрушения. Хотя появляющиеся в последние годы уникальные, да еще и цветные немецкие фотографии времен оккупации подобные домыслы напрочь опровергают...

— Есть ряд солидных публикаций, посвященных в том числе периоду оккупации Минска. И говорить о том, что Минск был стерт с лица земли 3 июля, — это, мягко говоря, означает говорить неправду. Был ряд бомбардировок, город сильно пострадал уже в 1941 году. Поэтому рассказы о «массовых разрушениях» при освобождении — это истории в лучших традициях геббельсовской пропаганды, рассказывавшей про «наступление озверевших азиатских орд, уничтожающих все на свете на своем пути». Чтобы понять, что это неправда, достаточно всмотреться на архивных фотоснимках в лица людей, простых минчан, встречавших советских солдат.

СПРАВКА «СБ»

23 июня 1941 года немецкие самолеты появлялись над городом 11 раз, атакуя район железнодорожного вокзала и аэродромы.

24 июня 1941 года начались массированные бомбардировки Минска (три волны по 47 самолетов). Было разрушено электро- и водоснабжение, прекратили работу хлебозавод и магазины. Авианалеты продолжались по 27 июня, а 28 июня 1941 года в Минск вошли немецко-фашистские захватчики. За эти 6 дней немецкой авиацией было разрушено 80% жилой застройки Минска, полностью уничтожены центральный район города и железнодорожный узел. Из 330 промышленных предприятий были уничтожены 313.

Минск в самом деле был сильно разрушен — в ходе наступательной операции именно немецких войск! И первая фаза разрушений связана с налетами в первые же дни войны. И связана с тем, что изрядная часть города была в то время деревянной. Армия же, освобождавшая Минск, прекрасно понимала, что она освобождает свой город, свою землю и столицу своей союзной республики. А жители этой столицы про освободителей говорили: «Пришли наши!» И понимали, что теперь не будет виселиц на улицах, не будет лагеря в Тростенце.

— И тем не менее вслед за освобождением на переживших коричневый мрак граждан надолго легло клеймо «находившиеся на оккупированных территориях», а героическая борьба Минского подполья долгое время оставалась незаслуженно забытой...

— Тема Минского подполья воспринималась весьма неоднозначно по одной причине: были весьма противоречивые интерпретации его деятельности. В том числе и по причине его разгрома гитлеровцами. К тому же дамокловым мечом довлели идеологические догмы, свою роль играла и деятельность провокаторов, акты настоящего предательства. Все это заставляло крайне неоднозначно смотреть в то время на Минское подполье как таковое, проверять и перепроверять людей и факты.

С другой стороны, известно, что в процессе немецкого отступления с белорусской территории — с 23 июня по 28 июля 1944 года — с гитлеровцами уехала 121 тысяча изменников и полицаяв. Абсолютное большинство среди них составляли коллаборационисты (95,9 тысячи человек). Но далеко не все они были жителями Беларуси — в это число попали и те, кто удирал с ранее освобожденных территорий: бойцы так называемой Русской освободительной армии (РОА), казачьи и кавказские батальоны, силы местной полиции. Около 10 тысяч были так называемые хиви (Hilfswillige, то есть добровольные помощники), набравшиеся из местного населения и наших военнопленных.

Но белорусов здесь было капля в море. Рейхсминистр восточных территорий Альфред Розенберг, опираясь на личные впечатления и аналитические записки немецкой службы безопасности (СД) и общественных оккупационных властей, сделал вывод, весьма неутешительный как для германского политического руководства, так и для нынешних мифотворцев: «В результате 23-летнего господства большевиков население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организационных, ни персональных условий. Позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не обнаружено».

В свою очередь, гебитскомиссар Барановичского округа оберфюрер Рудольф Вернер писал: «Поведение белорусского населения совсем не отвечает требованиям дня и принципам совместной борьбы против большевизма. Большая часть белорусов апатично и равнодушно относилась к происходившим событиям. Население не склонно к работе на местах, тем более для работы в Германии. Только очень не-

большие, совсем незначительные руководящие белорусские верхи (то есть белорусские националисты. — Прим. И.Марзалюка) были заинтересованы в сотрудничестве с Германией, находясь под большим впечатлением от идей нового порядка в Европе». Далее Вернер констатировал: «Местные полицейские к 1 июля 1944 года поразбегались... Особенно подлю вели себя уполномоченный БЦР Станкевич и бургомистр города Русак, которые удрали из города еще раньше» (Станислав Станкевич во время войны в разное время являлся бургомистром Борисова и окружным заместителем коллаборационистской Белорусской центральной рады (БЦР) в Барановичах. После бегства редактировал в Берлине газету «Раница». — Прим. ред.).

Чтобы окончательно понять, что означает 3 июля для Беларуси, приведу цитату историка и социолога профессора Майкла Манна из его фундаментальной книги «Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток»:

«В Белоруссии немцам не удалось опереться на пятую колонну. Коллаборантами стали немногочисленные антисоветские националисты, нашедшие убежище в Германии в 1920-х годах, когда Белоруссия оказалась под советской юрисдикцией. В 1941 году белорусские националисты были близки к нацистам, разделяя их ненависть к «жидобольшевизму». Они вернулись на родину в обзоре немецкой армии, но массовой поддержки не получили... 90 процентов белорусов были крестьянами, этим людям от сохи этнонационализм был глубоко чужд. У националистов не было социальной опоры ни на селе, ни в городе».

Не это ли объясняет столь явное неприятие со стороны их духовных потомков святой даты 3 июля — дня освобождения, ставшего Днем Независимости?

Беседовал Максим ОСИПОВ.